

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1976

В данном труде авторы характеризуют различные этапы истории социалистических учений XVI—XIX вв., прослеживают исторические судьбы идей утопического социализма, показывают, как развитие марксизма шло рука об руку с преодолением утопизма рабочим движением. Сборник продолжает линию, намеченную в двух предыдущих изданиях, вышедших под таким же названием в 1962 и 1964 гг. и освещавших роль социалистов-утопистов в истории общественной мысли и борьбу марксизма за торжество коммунистических идей.

Редакционная коллегия:

П. Т. БЕЛОВ, Л. И. ГОЛЬМАН,
Г. С. КУЧЕРЕНКО (ответственный редактор),
В. А. МАЛИНИН, М. И. МИХАЙЛОВ, А. Э. ШТЕКЛИ

Научно-техническую работу по сборнику вели
Э. И. ВАЛИЧ и В. Ф. МОРДВИНЦЕВ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

	Предисловие	3
Г. И. Кириллов	В. И. Ленин о преодолении марксизмом воззрений утопического социализма в рабочем движении	5
Н. Ю. Колпинский.	Маркс и Энгельс о Мадзини	22
И. В. Григорьева.	«Письма об историческом материализме» Ф. Энгельса и итальянская социалистическая мысль	38
Л. С. Чиколини.	Идея общности имущества и споры о золотом веке в итальянской литературе XVI—начала XVII столетия	51
А. Э. Штекли.	«Город Солнца» и «Звездный вестник»	63
Т. А. Павлова.	Уравнительные идеи в политической литературе Второй английской республики	100
Г. С. Кучеренко.	Изучение Жана Мелье: итоги и задачи	124
Э. И. Валич.	Из истории радикальной утопической мысли в России конца XVIII в.	136
Л. В. Борщевский.	К вопросу об отношении Фурье к собственности при строе гармонии	154
Н. Е. Застенкер.	Роберт Оуэн как мыслитель	162
М. Н. Захарова.	Роберт Оуэн и оуэнисты в Соединенных Штатах Америки	184
И. Н. Неманов.	Некоторые итоги и проблемы изучения Роберта Оуэна	213
Б. А. Рожков.	Оуэнизм в отношении к чартизму	240
В. В. Галкин.	Последователи Роберта Оуэна в Англии и их вклад в развитие социалистической мысли	247
М. А. Авдеева.	Идеи Фурье в США	269
М. И. Михайлов.	Социальная утопия Вильгельма Вейтлинга и его деятельность	284
Е. Е. Козлова.	Левый прудонизм как идейное течение в рабочем движении Франции накануне Парижской Коммуны	308
Б. С. Ерасов.	Социальное содержание социалистических теорий в афро-азиатских странах	326
Е. Л. Рудницкая.	Из наследия утопического социалиста Н. В. Соколова	366
	Список сокращений	380
	Указатель имен	381

Раздел библиотеки

История идей: "от утопии к науке"

<http://istmat.info/node/29200>

Из истории радикальной утопической мысли в России конца XVIII в.

Развитие буржуазных отношений в передовых странах Западной Европы последней четверти XVIII в. совпадает с началом разложения крепостной системы и оформлением буржуазного уклада в России. Прямым следствием этих процессов в сфере общественной мысли было возникновение антикрепостнической идеологии. Для образованных слоев русского общества она имела два отправных пункта: 1) наблюдения над конкретной действительностью и неприятие ее и 2) осмысление западноевропейских социальных, экономических и политических теорий. Высшим достижением прогрессивной мысли того времени признано творчество А. Н. Радищева. Вместе с тем Крестьянская война 1773—1775 гг. показала, что антикрепостнические настроения стали реальным фактором идеологии народных масс.

Оба процесса развивались обособленно. Но то, что в самой их сути были «общие точки» (антифеодальный протест), позволяет допустить возможность попыток соединения двух течений. Есть и другая сторона проблемы. Антифеодальная идеология, возникнув, не могла ограничиться лишь критикой, но должна была выдвинуть и позитивную программу, указав одновременно на средства ее осуществления. В этом случае она неизбежно принимала бы форму социальной утопии, поскольку предпосылки буржуазно-демократических преобразований только зарождались. В обоих указанных смыслах большой интерес для нас представляет памятник конца XVIII в., известный под названием «Благовесть исаилоу российскому, т. е. приверженным к богу староверам благочестивым»¹.

Это произведение хранится в архиве Тайной экспедиции². Оно было введено в научный оборот А. Беликом и Ю. Кононовым в 1948 г.³ и опубликовано Д. С. Бабкиным в 1968 г.⁴ Первые

¹ Далее (по месту его происхождения) памятник обозначается как Соловецкий документ.

² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. № 2849, ч. 1, лл. 31—40 об.

³ А. Белик и Ю. Кононов. Новый документ по истории русской общественной мысли конца XVIII в.— ВП, 1948, № 4, стр. 100—105.

⁴ Д. С. Бабкин. Русская потаенная социальная утопия XVIII в.— «Русская литература», 1968, № 4, стр. 92—106.

исследователи ограничились сжатым изложением Соловецкого документа и попытались определить его автора. Их вывод — памятник написан группой русских раскольников⁵. Д. С. Бабкин дал более подробную характеристику документа, подтвердил его связь с расколом, но решил, что у него только один автор⁶. В статье Д. С. Бабкина памятник получил четкую атрибуцию: он отнесен к разряду потаенной литературы и к жанру социальной утопии. Однако как А. Белик с Ю. Кононовым, так и Д. С. Бабкин допустили ряд неточностей и в интерпретации этого произведения, и в изложении фактов, комментирующих его появление, что не позволяет считать исследование законченным. Возвращаясь к Соловецкому документу, мы ставим три задачи: 1) дать анализ состава памятника; 2) выявить его основные идеи; 3) выяснить, кто был его автором. Обратимся к самому сочинению.

Палеографическое описание рукописи дано в статье Д. С. Бабкина⁷.

Композиционно Соловецкий документ состоит из шести частей: 1) «Молитва начальная»⁸; 2) «Из священной Гистории»⁹; 3) «Присяга царская»¹⁰; 4) «Образец присяги помещиков»¹¹; 5) «Повеление от неностижимаго творца»¹²; 6) «Письмо к Царице»¹³.

Первая часть — краткая молитва.

Вторая часть — «Из священной Гистории». По содержанию эту часть можно назвать историко-обличительной. Здесь история России, ее укрепление и территориальное расширение в прошлом и будущем рассматриваются с позиции панславизма и традиционной теории «Москва — Третий Рим». Мессианистическое по духу начало продолжено картиной современного состояния государства, написанной уже в ином, мрачном тоне.

Большой интерес представляет предлагаемая автором концепция происхождения крепостного права в России. Главным условием возникновения и развития крепостной системы объявляет-

⁵ А. Белик и Ю. Кононов. Указ. соч., стр. 101.

⁶ Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 93—94.

⁷ Там же, стр. 98. Публикация Д. С. Бабкиным текста Соловецкого документа выполнена далеко не безупречно. Часто не соблюдается провозглашенный публикатором принцип воспроизведения орфографии подлинника: всего нами отмечено более 400 отступлений от орфографии рукописи. Без оговорок вводятся отсутствующие в тексте подзаголовки. Произвольно переставлены два больших фрагмента: «Письмо к Царице» и «Повеление от неностижимаго творца». Отсутствует пагинация оригинала. Все это вынуждает нас цитировать документ по автографу.

⁸ Соловецкий документ, л. 31; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 98.

⁹ Соловецкий документ, лл. 32—34; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 98—101.

¹⁰ Соловецкий документ, лл. 34—36 об.; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 101—104.

¹¹ Соловецкий документ, л. 37; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 104.

¹² Соловецкий документ, лл. 33—37 об.; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 106.

¹³ Соловецкий документ, лл. 39—40 об.; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 104—105.

ся непросвещенность народа и нечестность людей, стоящих у власти. Постепенный переход всех функций управления в руки дворянства и духовенства приводит в конечном итоге к полному бесправию и потере личной свободы крестьян. Дворянство, противопоставленное царю и народу, становится причиной всех государственных и народных бед. Оно обвинялось: в закреплении крестьян и жестоком обращении с ними; в преследовании староверов; в нечестном добывании доходов (ограбление крестьян, ремесленников, купцов и взяточничество); в получении незаслуженных военных наград; в попытке пресечь царский род, уничтожив его мужскую линию¹⁴.

Заканчивается эта часть как бы возвращением к исходным позициям — к утверждению великого будущего России. Вера автора в миссию русского народа обосновывается им двояко: во-первых, Россия имеет людей, способных вывести ее на новый путь, — староверов; во-вторых, у нее есть государь, назначенный богом для выполнения той же миссии, — Павел I.

«Присяга царская» — третья, ключевая и самая объемная часть всего сочинения. Это проект присяги Павла I, содержащий 30 пунктов программы преобразования всех сторон жизни государства. Все пункты сгруппированы нами в семь больших разделов. Каждый из них затрагивает ту или иную сферу государственного и социального устройства.

I. *Социально-политическая структура государства.* Отменяются все сословные различия и упраздняются все «звания дворянские, кроме царской фамилии». Вводится деление общества на земледельческую, ремесленную и купеческую группы, которые «между собою равные, и из них умные люди будут везде с царем присутствовать»¹⁵. Форма правления — монархия с широким сословным представительством. Наследственность трона устанавливается строго по мужской линии (пункты 2, 3).

II. *Законодательные институты.* Прежние гражданские законы уничтожаются, «советом всего народа» вырабатываются новые законы. Все судебные инстанции ликвидируются и будут заменены судом совести (пункты 4, 5). Выбранные народом судьи, на-

¹⁴ Д. С. Бабкин считает, что, создавая свою теорию становления крепостничества в России, автор Соловецкого документа опирался на коллективный труд «Новейшее повествовательное землеописание...» (СПб., 1795). Действительно, и в книге, и в рассматриваемом документе говорится о том, что в древние времена все члены общества, за исключением пленных, пользовались личной свободой. Но это совпадение вряд ли можно считать доказательством связи между двумя памятниками. Возможность заимствования исключена хотя бы потому, что Соловецкий документ датируется 1795 г., а издание «Новейшего повествовательного землеописания...» было арестовано в том же году сразу после выхода в свет (Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 97). Тождество указанных точек зрения (кстати, концепция происхождения крепостничества в Соловецком документе далеко не исчерпывается этим аспектом) естественно, поскольку такого рода представления были достаточно распространенными.

¹⁵ Соловецкий документ, л. 34 об.; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 101.

рушившие законы, предаются смерти (пункт 26). Верховный судья находится при императоре. Высшая законодательная власть осуществляется государем и Кабинетом из 12 экспедиций, включающих Синод, Военную коллегию и Сенат (пункт 26).

III. *Экономическая структура и финансовое устройство.* Земля, «яко от непостижимаго творца создано племени человеческому в пользу общую»¹⁶, не продается и не покупается. Каждому дозволяется селиться, где кто захочет, но так, чтобы при этом не потеснить соседей (пункт 8).

Природные богатства принадлежат всему обществу и могут добываться и обрабатываться всеми, кто пожелает (пункт 9). Проводится политика поощрения частного предпринимательства. Вывоз золота и других ценных металлов за границу идет только под государственным контролем. В ведение государства отходит промышленность, необходимая для содержания армии и двора. Все прочие виды добывающей и обрабатывающей промышленности отдаются в пользование народа (пункты 23, 24, 25).

Все промысловые и торговые пошлины отменяются. Ликвидируются бумажные деньги и вводится монетная система. Государственный бюджет складывается из ежегодного двухрублевого обложения всего мужского населения, за исключением членов царской фамилии и военных, находящихся на службе. Государство финансирует двор, армию, флот, внешнюю политику (пункты 10, 12, 13).

Кроме того, образуется общенародный фонд. Он создается за счет ежегодного однорублевого налога на мужское население (кроме членов царской фамилии и военнослужащих) и предназначается для содержания школ, сирот, бедных и на общенародные нужды. Особо в народный фонд вносятся по два рубля для выплаты наградений и пенсий отставным солдатам и офицерам (пункты 12, 13).

Предприниматели и купечество отчисляют от своих доходов посильную сумму в общественный фонд. Из этих отчислений им будет оказываться помощь в случае разорения (пункт 23).

IV. *Реорганизация армии.* Государство укрепляет свою армию. Всем военнослужащим вводится твердый оклад, они освобождаются от налогов и по выходе в отставку приписываются к одному из трех сословий по собственному выбору. Устанавливается общее для всех награждение по окончании службы — 300 рублей. Инвалиды войны полностью переводятся на казенное обеспечение. В армии действует демократический принцип выбора офицерского состава (пункты 11, 12).

Для завоевания новых земель создается армия, комплектуемая из преступных элементов. Ей придаются и «ученые люди» (миссионеры), призванные проповедовать православие среди покорен-

¹⁶ Соловецкий документ, л. 35; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 102.

ных народов. Так общество освобождается от преступников и одновременно рационально использует их агрессивные наклонности (пункт 27).

V. *Церковная реформа.* Государство прекращает все гонения на староверов и признает их «совершенными христианами». Провозглашается полная веротерпимость, исключая религиозные преследования и распри. Допускается только мирная форма пропаганды православия методом словесного убеждения.

Церкви остаются неприкосновенными. Все духовные чины и монахи теряют право на получение жалованья. Они должны жить собственным трудом и милостыней (пункты 1, 7, 29, 27).

IV. *Система образования.* Вводится всеобщее обязательное обучение грамоте, «дабы всякий знал силу Нового Завета». Мальчики дополнительно изучают военное дело, арифметику и «все прочее, полезное людям». Тот, кто и через 12 лет по введении нового закона «окажется неумеющим грамоте, то после смерти без погребения на поля на съедение псом пометаны будут» (пункты 14, 16)¹⁷.

VII. *Вопросы нравственности.* Упорядочивается система бракосочетания: брак разрешается юношам с 16, а девушкам с 13 лет (пункт 17).

Лица, нарушившие моральные нормы, наказываются бритьем головы, и им запрещается покрывать голову. Несколько лет они не имеют права присутствовать в «собрании людей», а в случае повторного преступления теряют это право пожизненно (пункт 18).

Реорганизация общества должна идти мирным путем. Насильственные методы и кровопролитие отвергаются, как недопустимые (пункт 20). Запрещаются грабеж и конфискация дворянского имущества (пункт 21). Народу предлагается показать пример человеколюбия в отношении своих бывших угнетателей (пункт 22).

Таковы наиболее существенные положения этой части Соловецкого документа.

Перед нами фактически программа радикально-буржуазного преобразования русского государства: она предполагает уничтожение привилегированных сословий и введение гражданского равноправия; национализацию земли и недр; поощрение свободного частного предпринимательства; отделение церкви от государства и свободу вероисповедания; всеобщее образование. Программа содержит элемент утопического социализма — план системы социального обеспечения через общенародный фонд.

Вряд ли можно говорить, что в Соловецком документе есть полный «отказ от принципа частной собственности на землю, ее недра и промышленные предприятия», как утверждают А. Белик

и Ю. Кононов¹⁸. В отношении земли предлагается то, что мы называем национализацией, — включение земли в фонд, принадлежащий всему народу. Землей и недрами свободно пользуется тот, кто их обрабатывает. Эта буржуазная по своему характеру мера, не посягая на принцип частной собственности в целом, определенным образом ограничивает его в сфере землевладения и землепользования. Вся добывающая и обрабатывающая промышленность находится в частном владении.

Программа последовательно проводит принцип конституционно-монархического государственного устройства. Конечно, не случайно она не поднимается до республиканизма. В России последней четверти XVIII в. наблюдались только зачатки буржуазных отношений. Соответственно и социальное сознание масс не созрело еще для приятия идеи республики. Психологически русский крестьянин и обыватель уже с начала XVII в. усвоил, что царей можно свергать и заменять. В XVII и XVIII вв. народ не только мечтал о «добром царе», но предпринимал попытки посадить такого царя на трон. Однако потребовалось более ста лет, чтобы идея народовластия завоевала массы.

За присягой Павла I следует четвертая часть, озаглавленная «Образец присяги помещиков». Это — клятва, которую предстоит произнести каждому помещику в назначенное время. Он двоекрестным крестным знаменем клянется на Евангелии в том, что освобождает крестьян от крепостей, признает полную власть царя, отказывается от всех своих привилегий и отдает землю крестьянам.

Пятая часть — «Повеление от непостижимаго творца» — адресована старообрядцам. Это инструкция о распространении «Благовести...». Необходимо сделать как можно больше копий и распространить их среди народа. В первую очередь «Благовесть...» должна стать известной армии и флоту, так как именно они призваны обеспечить мирное введение нового закона и охрану государственных границ от вторжений неприятеля. 1 сентября 1796 г. самые достойные староверы, подготовив себя постами и молитвами, напишут каждый от своего имени письмо Екатерине II, образец которого прилагается после «Повеления...» В тот же день они явятся к Павлу I и передадут ему на подпись текст «Благовести...» Интересно отметить, что «Повеление...» рекомендует рассказывать о предстоящем уничтожении помещиков и о грядущей народной вольности не только русским, но также полякам, латышам и эстонцам. Предлагается распространять копии «Благовести...» по всей России, но особо выделяются районы Дона и Сибири, т. е. основные места поселений старообрядцев. Как и «Присяга царская», «Повеление...» требует предупреждать любые формы кровопролития.

¹⁷ Соловецкий документ, л. 35 об.; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 102.

¹⁸ А. Белик и Ю. Кононов. Указ. соч., стр. 103.

Поскольку в тексте «Повеления...» есть слова: «Дождавшись 1 числа сентября будущего года...»¹⁹, а имеется в виду 1 сентября 1796 г., оно четко датируется 1795 годом.

Заключительная, шестая часть — «Письмо к Царицы». Оно написано от лица «народа российскийского, всех сил военных и земледельцов»²⁰. Как и вторая часть рукописи — «Из священной Гистории», «Письмо...» указывает на бесчинства дворянства и офицерства, на разорение государства казнокрадами-чиновниками. В нем тоже подробно говорится о бедственном положении простого люда, а дворяне, чиновники и военное сословие представлены как главные виновники народных несчастий. Однако, кроме этих важных параллелей, «Письмо...» имеет два существенных отличия от всех других фрагментов Соловецкого документа. Во-первых, оно не только не развивает идеи непролития крови и милосердного отношения к помещикам, но, напротив, грозит Екатерине II расправой над всеми дворянами в случае, если она не уступит престол Павлу добровольно²¹. И во-вторых, «Письмо...» — единственный фрагмент, в котором отсутствуют какие бы то ни было упоминания о старообрядцах и о религиозных преследованиях. В самом тексте «Письма...» есть указания на время его составления: «ибо вы соизволили... царство двадцать лет незаконно в своих руках держать»; «... а то без царя 20 лет государство стоит... а сколько ж то зла в 20 лет произошло»²². Следовательно, оно написано где-то в 1782—1783 гг., т. е. на 12—13 лет раньше «Повеления...».

В «Повелении...» нет ничего противоречащего всему предшествующему тексту документа, и оно композиционно завершает все ранее сказанное точными инструкциями. Это позволяет считать его неотъемлемой, заключающей частью «Благовести...», написанной в одно время с ней.

«Письмо...» же необходимо рассматривать как самостоятельное произведение, которое автор (или авторы) «Благовести...» сочли возможным присоединить к ней, найдя здесь много общего. Отмеченные расхождения показывают, что «Письмо...» не подвергалось специальной редакции. Мы не знаем, как оно попало в Соловецкий монастырь. Неизвестно, кто был его автором и из каких кругов оно вышло. С абсолютной уверенностью можно говорить лишь о том, что перед нами не оригинал, а список. На л. 38 об. рукописи есть приписка: «Доношу, что из сего подлинника пущено в мир 243 копии..., и оные ж копии с прошлаго 1785 года также немало уже родили»²³. Эта запись, судя по дате,

¹⁹ Соловецкий документ, л. 38; *Д. С. Бабкин. Указ. соч.*, стр. 106.

²⁰ Соловецкий документ, л. 40 об.; *Д. С. Бабкин. Указ. соч.*, стр. 105.

²¹ *Д. С. Бабкин. Указ. соч.*, стр. 105.

²² Соловецкий документ, л. 40; *Д. С. Бабкин. Указ. соч.*, стр. 105.

²³ Соловецкий документ, л. 38 об.; *А. Велик и Ю. Кононов. Указ. соч.*, стр. 104; *Д. С. Бабкин. Указ. соч.*, стр. 98; *А. Велик, Ю. Кононов и Д. С. Бабкин* ошибочно прочли дату 1785 как 1789.

относится только к «Письму...» и свидетельствует о его достаточно широкой распространенности.

Таким образом, Соловецкий документ состоит из двух разновременных произведений: «Благовести...», датируемой 1795 г., и «Писма к Царицы», относящегося ко времени до 1785 г. (1782—1783 гг.). В дальнейшем предметом нашего анализа будет только «Благовесть...»

Кратко суммируя содержание всех фрагментов «Благовести...», можно выделить два основных момента: 1) острая и всесторонняя критика феодализма; 2) развернутая программа буржуазно-демократических преобразований. В подавляющем большинстве пунктов программа перекликается с идеями западноевропейского Просвещения и написана под их явным влиянием. Вместе с тем характерная особенность «Благовести...» — совмещение в ней двух пластов, мы бы сказали, двух идеологий: просветительской и старообрядческой.

Чтобы узнать, кто мог создать произведение, сочетающее так далеко отстоящие друг от друга направления общественной мысли, необходимо прежде всего выявить сумму признаков, которым отвечает его автор. Если мы рассмотрим текст «Благовести...» именно под этим углом, то придем к следующим выводам.

1. Автор — человек широко образованный, знакомый с политико-экономическими и политическими учениями своего времени. Ему известны теории естественного права и меркантилизма. Он знает русскую и западноевропейскую историю и владеет польским языком²⁴.

2. Автор не принадлежит к раскольникам, чему текст дает и прямые, и косвенные доказательства. К прямым доказательствам относится апофеоз Петру I, который «...все порядки благоразумные и полезные отечеству устроил. Художества и науки въвел. ...немалую ползу отечеству принес, словом сказать, из законности весь народ Российской извлек»²⁵. Подобную оценку деятельности Петра не мог дать старообрядец, ибо для всех раскольников без исключения Петр I был живым воплощением антихриста. Они не простили ему ни двойного подушного оклада, ни ревизий, ни разрушения традиционного русского быта, ни других реформ.

Косвенных доказательств непричастности автора к расколу много. Так, необходимым условием процветания государства он считает просвещение. Отсутствием его в России объясняются происхождение власти богатых над бедными и многочисленные беды, постигшие народ.

Могла ли идеология раскола, консервативная по самой своей сути, признать просвещенность движущей силой развития общества? Социально-психологическая база старообрядческого направ-

²⁴ На л. 33 об. рукописи есть ссылка на труд польского историка А. Нарупевича, никогда не переводившийся на русский язык.

²⁵ Соловецкий документ, л. 34; *Д. С. Бабкин. Указ. соч.*, стр. 101.

ления (какой бы толк мы ни взяли) не исчерпывается одним антифеодальным протестом. Здесь необходимо учитывать и неспособность преодолеть традиционный опыт, и принципиальное нежелание выйти за его рамки. Такая ориентация по самой своей сути антагонистична ориентации Просвещения на рациональный социальный эксперимент. Даже само понятие «образование» трактовалось раскольниками крайне узко и, как правило, было синонимом понятия «грамотность».

Одно из доказательств того, что автор не был старообрядцем, — выдвигнутая им идея терпимости ко всем иноверцам и даже к никонианам. Менее всего эта черта была психологически присуща раскольникам, выработавшим из-за вечных гонений убежденность в непогрешимой истинности именно их веры.

3. Вместе с тем автор должен быть близок к староверам. Перечислим свидетельства несомненные. Уже название документа раскрывает, кому он адресован: «приверженным к богу староверам благочестивым». Это они ассоциируются с «исраилям российским», т. е. с избранниками, на которых возлагается миссия распространить знание нового закона среди русского народа, ввести этот закон в действие и тем самым спасти Россию. Одним из первых актов Павла I должно стать признание староверов «совершенными христианами». Требование восстановить старую веру встречается по всему тексту. Присяги предлагается произносить с двоеперстным крестом. Характерны нападки на Никона и никониан за порчу книг и веры. Правда, нужно отметить некоторое отступление от традиции: обычно раскольники называли главными виновниками церковников и фарисеев. Здесь же обвиняются во всех религиозных грехах прежде всего дворяне и уже во вторую очередь — архиереи.

К косвенным доказательствам относится дух нетерпимости, свойственный староверам. Он дважды прорывается в программе, звуча диссонансом: первый раз, когда речь идет об отношении к тем, кто окажется неспособным к образованию. И во второй — там, где говорится о наказании за нравственные проступки. Есть и еще один момент, вписывающийся в систему взглядов старообрядцев: понятие образованности узко и ограничено.

4. Автор имеет отношение к армии. На это указывает особое внимание, уделяемое проблемам ее реорганизации.

Подведем первый итог. Требования, которым должен отвечать автор «Благовести...», противоречивы. Снять противоречия можно, лишь признав, что это произведение — плод творчества не одного человека. А. Велик и Ю. Кононов были правы, утверждая, что «Благовесть...» создана коллективно. Но они ошиблись, приписав ее только староверам²⁶. Д. С. Бабкин считает, что «Благовесть...» имеет одного автора. Это русский раскольник северопоморского происхождения, знающий польский язык. Будучи человеком из

народа, он отразил идеологию «крестьянской демократии», хотя и не преодолел «сентиментальной проповеди всеобщей христианской любви». Предпочел остаться анонимом. Писал под влиянием «Путешествия из Петербурга в Москву», что доказывается «антикрепостническим содержанием» обоих произведений. За политические убеждения подвергался репрессиям и сидел в тюрьме Соловецкого монастыря²⁷.

Попытаемся выяснить, кто же действительно мог быть автором «Благовести...».

26 июня 1797 г. поляк Алексей Еленский добровольно передает соловецкому архимандриту Ионе рукопись, тайно хранившуюся в монастыре²⁸. Считается, что «Благовесть...» создана в Соловках в 1795 г. Следовательно, необходимо знать, кто в это время находился в монастырской тюрьме.

По материалам архива Тайной экспедиции нам удалось установить, что там содержались следующие узники:

1. Воложский дворянин Михаил Ратицов. Осужден в 1766 г. за убийство в состоянии безумия. Заключен «пожизненно или до излечения». Находился в строгой изоляции. Умер 26 января 1796 г.²⁹

2. Полковник Илья Рачинский. Осужден за убийство дворового человека, ограбление поляка Яновского, незаконную продажу в рекруты двух дворовых своей жены. В 1797 г. его сын подал прошение об освобождении отца, мотивируя его тем, что Илья Рачинский ослеп и сошел с ума. Умер в монастыре 5 июля 1802 г.³⁰

3. Бывший дворянин Сергей Пушкин. Осужден в июне 1772 г. за делание фальшивых ассигнаций. Содержался в монастыре в строгом одиночном заключении с 1781 г. Умер в декабре 1795 г.³¹

4. Полоцкий мещанин Иван Леонович. Осужден в феврале 1786 г. за принятие унии. Последнее сведение о нем датируется июлем 1792 г.: монастырское начальство доносит о его благопристойном поведении и упорствовании в своем заблуждении. Был ли он узником монастыря после 1794 г., неизвестно³².

5. Отставной казак Иван Сухоруков из Нижне-Курмоярской станицы. Прислан в тюрьму 7 августа 1793 г. Обвинялся в «умствовании и ожесточенности к святой вере» и приверженности к старообрядчеству³³.

6. Казак Филипп Марков. Бежал из станицы в ямской промысел, был пойман и записан в новосформированный казацкий

²⁷ Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 93—94.

²⁸ А. Велик и Ю. Кононов. Указ. соч., стр. 101; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 93.

²⁹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. № 2201.

³⁰ Там же, д. № 2624.

³¹ Там же, д. № 2351.

³² Там же, д. № 2692.

³³ Там же, д. № 2849, ч. 1, лл. 8—8 об.

²⁶ А. Велик и Ю. Кононов. Указ. соч., стр. 103.

полк. В полку его уличили в «неожидании к святому причастию». На дознании Марков показал, что, будучи в бегах, сошелся в Новгородской земле с раскольниками и принял их веру. Приговор Синода: «Со всем удалившегося от веры суевера убрать от войска ради отвращения могущаго от него произойти между прочими в войске какового-либо в правоверии разврата». Прислан в монастырь 11 июня 1795 г.³⁴

7. Иван Никитин. Казак, происходит из Камышанской станицы. Служил казацким попом. Еще до принятия сана «находился по наущению деда и отца в раскольническом заблуждении и, скрыв оное, восхитил чин священства ухищренно. И отлучась в разные раскольнические слободы, исполнял тамо по обряду их не только мирские христианские требы, но и священнослужения». Приговорен к лишению сана и отправлен под стражей в Соловецкий монастырь, куда прибыл 11 июня 1795 г.³⁵

Все трое казаков судились первоначально по ведомству Военной коллегии. Затем их дела, как касающиеся вопросов веры, были переданы в Синод, где и выносились приговоры. Тайная экспедиция ими не занималась. Архив не дает сведений о дальнейшей судьбе Ивана Сухорукова и Филиппа Маркова. Неизвестно, вышли они на свободу по амнистии 1801 г. или их заключение осталось пожизненным³⁶. Только об Иване Никитине узнаем, что 22 августа 1800 г. «соловецкой штатной воинской команды прапорщик Данилов уведомил, что поп Иван Никитин по причине искреннего раскаяния и приверженности к вере изпод караула выпущен и причислен к братии монастыря»³⁷.

Восьмой и последний заключенный — поляк Алексей Еленский, присланный в Соловецкую тюрьму 26 сентября 1794 г.³⁸

Итак, в 1795 г. в Соловецком монастыре было 8 заключенных. Трое из них — Илья Рачинский, Михаил Ратицов и Сергей Пушкин — явно не имели отношения к сочинению «Благовести...», так как Рачинский и Ратицов были психически больными, а Пушкин содержался в строгом одиночном заключении. Об Иване Леониче нельзя сказать ничего определенного за отсутствием сведений. Что же касается остальных четырех узников — Ивана Сухорукова, Филиппа Маркова, Ивана Никитина и Алексея Еленского, — они отвечали требованиям к авторам «Благовести...». Казаки принадлежали к военному сословию. Одновременно они были раскольниками. Еленский — образованный поляк, знакомый с Европой.

³⁴ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. № 2849, ч. 1, лл. 9—9 об.

³⁵ Там же, л. 6.

³⁶ Удалось лишь установить, что в 1801 г. их дела были пересланы в комиссию, готовившую амнистию уголовным и политическим заключенным в связи с восшествием на престол Александра I. См. там же, д. № 3708, л. 19 об.

³⁷ Там же, д. № 2849, ч. 1, л. 22.

³⁸ Там же, л. 5.

Вряд ли удастся выяснить (архив не дает такой возможности), все ли трое казаков принимали участие в написании «Благовести...», или кто-то остался в стороне. Важно, что одним из авторов мог быть любой из них.

Сложнее дело обстоит с Еленским. Ознакомившись с материалами архива, А. Велик и Ю. Кононов дали версию биографии Еленского, содержащую ряд неточностей³⁹. Они увидели в нем неудачливого доносчика и прожектера, который никак не мог быть автором «Благовести...» Д. С. Бабкин принял эти выводы⁴⁰. Однако внимательное чтение всех документов, касающихся Еленского, позволяет внести существенные коррективы в портрет, нарисованный А. Великом, Ю. Кононовым и воспроизведенный Д. С. Бабининым.

О том, как складывалась жизнь Еленского до ареста, можно судить по его автобиографии, написанной во время следствия⁴¹. Он родился в 1756 г. в местечке Свенторечии Минской губернии в семье городского судьи. Окончил иезуитскую школу в Динабурге (так в документе, ныне Даугавпилс.— Э. В.) Два года провел в Саксонии, где совершенствовался в науках. Затем был послан отцом в Курляндию к родственникам и там обучался ведению сельского хозяйства и арифметике. В 1780 г. получил польский чин уездного землемера и работал в гродненской губернской регистратуре. Одновременно продолжал изучать науки о хозяйствовании. С 1781 по 1786 г. занимался торговлей и служил управляющим у нескольких русских помещиков. В 1785 г. возбудил судебный процесс против оскорбившего его помещика Юрьевича и в 1791 г. был вынужден приехать в Петербург, чтобы как-то ускорить затянувшееся разбирательство. В столице свел знакомство с несколькими высокопоставленными лицами: князем Л. А. Нарышкиным, придворным комиссаром П. М. Хвостовым, польским посланником Деболием. Получил обещание быть представленным ко двору. Попытался устроиться в службу к племяннику князя Г. Потемкина. Однако русского подданства не принимал и официально на государственной службе не состоял. Однажды ему удалось заинтересовать графа Хвостова идеей закупки воска для двора в Польше, в результате чего ему сделали предложение доставить пробную партию. В 1792 г. проиграл процесс с Юрьевичем, окончательно разорился и почти два года тяжело проболел.

В январе 1794 г. Еленскому, если верить его показаниям, пришло письмо от курляндского помещика Б. Кривца с приложенным к нему текстом манифеста об установлении в Польше республики. Кривец сообщал, что этот текст якобы распространяется по Курляндии. Еленский решил перевести манифест на русский язык и через одного из своих покровителей, некоего

³⁹ А. Велик и Ю. Кононов. Указ. соч., стр. 100.

⁴⁰ Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 93.

⁴¹ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. № 2849, ч. I, лл. 75—79 об.

Верещагина, довести до сведения Екатерины II, дабы получить в награду какой-либо чин. 26 февраля к нему случайно зашел его приятель капитан Цибульский и, ознакомившись с переводом, выврался передать манифест графу Платову Зубову.

В тот же день Цибульский отнес рукопись перевода в Тайную экспедицию, а ночью Еленский был арестован. Одновременно конфисковали весь его архив. Судя по допросному листу⁴², Цибульский написал донос, содержащий следующие пункты обвинения: 1) сочинение Еленским польского подлинника манифеста; 2) распространение его через верных людей в Белоруссии, Псковской и Новгородской губерниях; 3) намерение Еленского пропагандировать манифест в народе, переодетшись в крестьянское платье. Еленский не признал ни одного обвинения. По его собственной версии, перевод делался исключительно с целью доноса правительству. Отсутствие в своих бумагах письма Кривца и печатного оригинала манифеста он объяснил тем, что сжег их, скопировав манифест. Таким образом, следственная комиссия смогла обвинить Еленского только в хранении и переводе недозвоненных сочинений. Неизвестно, чем бы кончилось это дело, если бы Еленский не прибег к довольно хитрому шагу: подал прошение о переходе в православие и ссылке в один из монастырей. Просьбу нашли нужным удовлетворить, и Иосиф Еленский летом 1794 г. был крещен архимандритом Александро-Невской Лавры митрополитом Новгородским Амвросием. Ему дали имя Алексей. Следствие прекратили, а новообращенного отправили в тюрьму Соловецкого монастыря, узником которой он стал с 26 сентября. Данных о сроке заключения Еленского в архиве не обнаружено.

Что же представлял собой польский манифест, так дорого стоивший его переводчику? Екатерина II оценила этот документ как следствие прямого влияния идей Французской революции⁴³.

В нашем распоряжении есть три экземпляра манифеста: польский текст, черновой перевод на русский язык и чистый вариант перевода. Все экземпляры написаны рукой Еленского на бумаге форматом в лист с водяными знаками 1792 г. Они попали в Тайную экспедицию вместе с архивом Еленского⁴⁴. Польский вариант не имеет названия и начинается без красной строки словами: «*Mu Król wespół Narodem wolnym nikomu niepodległym...*»⁴⁵. Черновик перевода озаглавлен: «Перевод польского права во всенародно составленного»⁴⁶. Второй русский экземпляр

называется: «Перевод из Польского закона, ныне состоявшегося»⁴⁷. Манифест открывается изъяснительным польским королем своей воли установить в стране полное гражданское равноправие. Это решение аргументируется многочисленными ссылками на Евангелие. Во вводной части страдания польского народа и происхождение крепостного права объясняются непросвещенностью бедных и нечестностью богатых и образованных. Король обещает восстановить справедливость, отрекается от трона и всех привилегий. Отречение имеет точную дату: «Состояло в столичном граде Кракове от Рождества Христова 1794 лета месяца апреля 10-го дня, а от начатия Цасствия польскаго 1244-го года»⁴⁸.

Далее следует часть, озаглавленная «Образец присяги, ни слова не изъемя». Это — клятва короля, состоящая из 13 пунктов. Король присягает: 1. Следовать христианскому учению и веротерпимости, признать все иноверческие церкви равноправными; 2. Соблюдать всеобщее равенство в Польской республике⁴⁹. Запретить продавать и покупать землю; 3. «Земля, яко народу принадлежащая, равным братьям нашим, вообще от Господа Бога, так дабы никто ни малейших доказательств и крепостей на землю, леса и воду у себя не оставил»⁵⁰; 4. Навсегда отречься от короны, почестей, дворянства; 5. Уничтожить все купчие, закладные, крепости. Освободить заключенных; 6. Избрать духовную и гражданскую власть из достойных представителей народа; 7. Установить строгие правила бракосочетания и воспитания юношества. Помогать сиротам и бедным; 8. Ввести права человека в действие не для захвата соседних государств, но «ради божьего закона»⁵¹; 9. Уничтожить противящихся новому закону «строжайшей смертью без всякого суда»⁵² и пожизненно заключить в тюрьму тех, кто погнушается признать себя равным народу; 10. Помочь населению ранее отошедших от Польши земель или другим народам, если они захотят принять новый закон; 11. Основать общественный фонд, размеры которого определит сам народ, для обеспечения нужд образования и воспитания, поощрения торговли и промышленности; 12. Стоять до последней капли крови, защищая новый закон от внешних и внутренних врагов; 13. Ничего не прибавлять к закону без согласия народа и карать смертью каждого, ему не подчиняющегося.

Клятва заканчивается любопытной записью: «В апреле месяце от 10 к последнему числу подписалось и присягу утвердили мужескаго полу 189 693, женскаго 194 221 душ»⁵³.

⁴² ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. № 2849, ч. 1, лл. 80—83 об.

⁴³ Там же, л. 107.

⁴⁴ В деле № 2849, которое, кстати, называется «О содержании в Соловецком монастыре арестантов Ивана Никитина, Алексея Еленского, Ивана Сухорукова и Филиппа Маркова», тексты манифеста занимают листы 89—106 об.

⁴⁵ Там же, л. 89.

⁴⁶ Там же, л. 95.

⁴⁷ Там же, л. 102. Манифест излагается и цитируется по чистому экземпляру русского перевода.

⁴⁸ Там же, л. 103.

⁴⁹ В польском оригинале «Польская республика» везде — «*Rzecz Pospolita*».

⁵⁰ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. № 2849, ч. 1, л. 103.

⁵¹ Там же, л. 104.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, л. 104 об.

Третья и последняя часть манифеста называется «Отзыв к народу общих собраты наших»⁵⁴. В ней описываются тяготы, беды и лишения простого люда и все сословия призываются объединить усилия в борьбе за установление нового порядка.

Заметим, что Еленский был арестован 26 февраля 1794 г., а польское восстание началось 24 марта. Следовательно, дата 10 апреля, дважды предлагаемая манифестом, как и число якобы подписавшихся к 30 апреля, — нереальные данные. Вопрос о степени распространенности манифеста в Польше и о кругах, из которых он мог выйти, требует самостоятельного исследования и потому остается открытым. Пока ясно только, что он принадлежал к публицистическим сочинениям, подготавливавшим восстание 1794 г.

Уже простой перечень пунктов клятвы польского короля вызывает ряд четких параллелей с присягой Павла I в «Благовести...» То, что между этими двумя произведениями есть связь, несомненно. Наша задача — выяснить, через кого манифест оказал влияние на «Благовесть...».

Отметим прежде всего, в чем они расходятся. В манифесте нет идеи терпимости к врагам нового закона, напротив, проповедуется беспощадная борьба с ними. Второе его существенное отличие — требование республики (т. е. антимонархизм). Во всем остальном оба сочинения согласуются.

Совпадения в содержании не исчерпывают связи манифеста и «Благовести...». Есть и прямые текстологические аналогии. Приведем два наиболее показательных примера.

МАНИФЕСТ

...не одново из вас невольников горяч бариц, разсердясь на лошадь, человека убил, за небережной удар собаки барской человека замучил, за неснятые шапки перед барином до смерти засек... Или того не случилось ли, ежели барину поправилась ваша жена, дочь, сестра или какая-нибудь девка, а вы, наблюдая закон божий, не согласились и не позволили на беззаконие, сколько то вас тысяць умертвлено...

л. 105 об.

Ваша сила, вашими трудами, дома и палаты строено, города и крепости укреплено, ваша сила неприятеля с отечества вытеснила победу одержала.

л. 105 об.

Кроме того, в обоих текстах слово «крестьянин» использовано только со значением «крепостной» и другого толкования не имеет.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. 2849, ч. 1, л. 105.

Формула: «господь, создатель всех вещей видимых и невидимых», встречающаяся в манифесте, дважды повторена «Благовестью...»

Д. С. Бабкин, справедливо указывая на манифест (он называет его прокламацией) как на один из источников «Благовести...», решил, что «автор русской утопии переписал из нее (т. е. манифеста.— Э. В.) ряд пунктов в свое произведение, творчески переработав их... Самый же текст польской прокламации был изъят у него в тюрьме вместе с рукописью его утопии»⁵⁵. Но у нас нет никаких данных об изъятии манифеста в Соловецком монастыре. Архимандрит Иона, получивший «Благовесть...» из рук Еленского, отправил ее архангельскому генерал-губернатору Ливену, ни словом не упомянув о передаче ему каких-либо других бумаг. Ливен, в свою очередь, послал тетрадь с «Благовестью...» в столицу на имя императора, также не оговорив, что обнаружились иные документы. Попади манифест в распоряжение монастырской администрации, она непременно довела бы его до сведения гражданских властей. Далее, известные нам экземпляры манифеста подшиты в деле № 2849 в числе материалов по следствию над Еленским. Нумерация листов с текстами манифеста показывает, что они были приобщены к делу в феврале 1794 г., сразу после ареста Еленского, и позже не перемещались.

Все это говорит о том, что в Соловецком монастыре экземпляров самого манифеста обнаружить не могли. Зато там был заключен человек, превосходно его знавший, — переводчик этого сочинения на русский язык Алексей Еленский. Из узников он один мог внести в «Благовесть...» все, сближающее ее с манифестом. Заметим, что перевод давался ему нелегко. Черновой экземпляр испещрен пометками и исправлениями, по которым видно, как трудно искались подходящие русские выражения. Возможно, именно это содействовало появлению в «Благовести...» почти дословных совпадений с манифестом.

Причастность Еленского к сочинению «Благовести...» не вызывает сомнений.

В 1797 г. он лично выдает рукопись. Что представляла собой эта тетрадь? Была ли она оригиналом? Весь текст имеет один почерк. Сравнение его с почерком русского перевода манифеста не обнаруживает явного сходства, хотя отдельные начертания букв близки друг другу. Только специальная графологическая экспертиза может сказать, написана ли «Благовесть...» рукой Еленского. Характерная черта рукописи «Благовести...» — повторение всех орфографических особенностей переводов манифеста. Так, в обоих текстах возвратные инфинитивы не имеют «ь» («противится станет», «надобно вооружится», «стали гордиться», «стали называтся» и т. д.). Вместо «себе» употребляется форма «себя» («прибегающих к себя», «из равных себя», «равными себя», «себя подобными» и т. д.). Совпадает написание слов: «денги», «людми»,

⁵⁵ Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 98.

«тюрма», «оприделение», «определять», «мечеты», «какой (когда, кого)-нибудь». Вместо «с» употребляется «з»: «зделать», «разписка», «разпространить», «разсмотреть» и т. д. В иной орфографии перечисленные слова и формы не встречаются. Орфографические аналогии с манифестом говорят о том, что, если рукопись «Благовести...» не является автографом Еленского, она была списком с экземпляра, сделанного его рукой. В самом тексте есть слова «сей оригинал»⁵⁶. Не имея данных экспертизы, мы не беремся утверждать, что перед нами именно оригинал, а не один из списков «Благовести...».

Трудно сказать, кто, кроме Еленского, работал над этим произведением. У нас три кандидата: Иван Сухоруков, Филипп Марков и Иван Никитин. Если большая часть текста («Из священной Гистории», «Присяга царская», «Образец присяги помещиков») несомненно принадлежит творчеству Еленского, то последний фрагмент («Повеление от неослаживаема творца») явно написан кем-то из раскольников. Сложно ответить и на вопрос, как конкретно сочинялась «Благовесть...». Не исключено, что от казаков Еленской получал необходимые сведения, которые и использовал в своей части работы. Возможно, «Благовесть...» писалась коллективно, с обсуждением каждого куска всеми авторами. Наконец, старообрядцы могли выступить в роли редакторов, внесших свои коррективы в предложенный Еленским вариант текста, и в роли авторов последнего фрагмента.

«Благовесть...» хранилась в тайне в течение двух лет. Чем можно объяснить парадоксальный факт выдачи рукописи одним из ее авторов? А. Велик, Ю. Кононов и Д. С. Бабкин считают, что Еленский посредством доноса пытался облегчить свою судьбу⁵⁷. Но в таком случае он доносил в первую очередь на себя. Подобное толкование неверно и несправедливо в отношении Еленского. Сам он не дал пояснений, позволяющих понять истинные цели этого шага. Но мы можем сделать некоторые предположения, раскрывающие его замысел. Когда тетрадь передавалась архимандриту, на русском троне уже сидел Павел I. Одно из важнейших требований «Благовести...» — восстановить власть законного императора — осуществилось естественным ходом событий, без вмешательства народной воли. Надо полагать, Еленский, оформляя свою программу как присягу царя, верил в возможность введения нового законодательства самим Павлом. Если следовать такой логике, то императору для превращения в совершенного монарха недоставало только знания, что он должен сделать. Программу необходимо было передать государю как руководство. Практика показала, что Еленский нашел верный путь: Павел прочел «Благовесть...», присланную ему Ливеном. Польщенный признанием его прав на трон и критикой Екатерины, он оставил

без внимания другую, антифеодальную и реформаторскую сторону сочинения и приказал прекратить следствие⁵⁸. Разумется, надежды Еленского на Павла были иллюзорны. Но признаем его смелость. Поплатившись однажды свободой за перевод революционного по духу манифеста, он не изменил своим убеждениям и продолжал утверждать их и в тюрьме.

Произведение, в создании которого Еленский принял участие, — первый известный нам отечественный документ, написанный на народном языке, где теоретическая мысль Западной Европы соединена с потребностями и чаяниями народа. С полным правом его можно назвать памятником русской общественной мысли того времени. И не только потому, что к появлению «Благовести...» причастны старообрядцы. Не они в конечном итоге определили направленность сочинения. Существенная черта этого памятника — отражение и учет специфики русской действительности. Программа Еленского меньше всего похожа на абстрактное теоретическое построение, легко переносимое на почву любого государства. Она предлагала пути разрешения задач, стоящих именно перед Россией. Не случайно в ней есть многое, что отсутствует в польском манифесте. Заслуга Еленского еще и в том, что он сумел понять социально-психологические особенности раскольников. Апеллируя к чувству социального протеста, он смог убедить старообрядцев принять идеи, чуждые важным сторонам их мировоззрения.

«Благовесть...» не есть пример смыкания старообрядчества с идеологией Просвещения, как утверждает Д. С. Бабкин⁵⁹. Она — выражение процесса, противоположного по своему характеру: поиск путей внедрения демократических идей в сознание народных масс. В нашем случае поиск осуществлен талантливо и с некоторым успехом.

Мы определяем «Благовесть...» как утопию. Основа такой классификации — принципиальная неосуществимость предлагаемой программы в России конца XVIII в. и методы, рекомендуемые для ее реализации. Крайне важно отметить, что «Благовесть...» содержала элемент утопического социализма, данный в форме, наиболее приемлемой для народного сознания. Это сочинение принадлежит к числу тех утопий, которые, «не будучи прямым выражением утопического социализма, приготавливали восприятие идей последнего, а затем и сопутствовали ему»⁶⁰.

Разобранное произведение открывает новую страницу в истории общественной мысли России: оно знаменует начало соединения теоретической мысли, разрабатываемой образованными слоями общества, с идеологией и потребностями народных масс. Следующий шаг в этом направлении сделают декабристы.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Госархива, разр. VII, оп. 2, д. 2849, ч. 1, л. 27.

⁵⁹ Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 97—98.

⁶⁰ В. А. Малинин, М. И. Сидоров. Предшественники научного социализма в России. М., 1963, стр. 24.

⁵⁶ Соловецкий документ, л. 37; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 106.

⁵⁷ А. Велик и Ю. Кононов. Указ. соч., стр. 101; Д. С. Бабкин. Указ. соч., стр. 93.